

Фредерик Марриет

Королевская собственность

Фредерик Марриет

Королевская собственность

«Public Domain»

1830

Марриет Ф.

Королевская собственность / Ф. Марриет — «Public Domain»,
1830

«Не подлежит сомнению, что бывает такой момент, когда сносить покорно гнет и притеснения перестает быть добродетелью, и когда возмущение не может быть названо преступлением. Нельзя не сознаться, что бунт английского флота в 1797 г. имел самые законные основания, и что матросы прибегнули к силе и самоуправству лишь после того, как их справедливые требования и жалобы были оставлены без всяких последствий. Таким образом, поведение правительства само вызвало это всеобщее возмущение в Норе...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	24
Глава VIII	29
Глава IX	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фредерик Марриет

Королевская собственность

* * *

Глава I

Не подлежит сомнению, что бывает такой момент, когда сносить покорно гнет и притеснения перестает быть добродетелью, и когда возмущение не может быть названо преступлением. Нельзя не сознаться, что бунт английского флота в 1797 г. имел самые законные основания, и что матросы прибегнули к силе и самоуправству лишь после того, как их справедливые требования и жалобы были оставлены без всяких последствий.

Таким образом, поведение правительства само вызвало это всеобщее возмущение в Норе.

Наглядным примером того, какого рода причины вызвали это возмущение, может служить печальная повесть одного из этих бунтовщиков, именно Эдуарда Питерса. Эдуард Питерс был человек даровитый и образованный. В момент безвыходного положения он поступил простым матросом на судно, чтобы достать кусок хлеба своей жене и единственному ребенку, явившемуся результатом слишком поспешного и несчастного брака. В качестве простого матроса он слишком выделялся среди остальных, чтобы это сразу не бросилось в глаза начальству. Видя в нем человека образованного и воспитанного, его приставили в качестве помощника к казначею судна и сделали секретарем командира. В этой должности Питерс оставался в течение двух или трех лет и за все это время не заслужил ни одного замечания: офицеры относились к нему с особым уважением, признавая в нем человека равного себе по образованию и воспитанию. Его безупречное поведение, тонкий такт и умение держать себя заслужили ему всеобщее расположение. Но вдруг случилось несчастье: обнаружилась кража – из каюты казначея пропали часы. Так как, за исключением слуги, Питерс был единственный человек, имевший право во всякое время беспрепятственно входить в его каюту, то подозрение пало на него, тем более, что после самых тщательных поисков часы не отыскивались, и явилось предположение, что они были переправлены на берег и перепроданы или заложены женою Питерса, которая со своим ребенком часто бывала на судне, имея разрешение от командира посещать мужа во время стоянок.

Вызванный наверх и подвергнутый строгому допросу, обозванный негодяем в присутствии свидетелей капитаном, человеком горячим и всегда слишком поспешным в своих суждениях, Питерс кротко отрицал обвинения, но не оправдывался, хотя краска негодования залила его лицо, – и это-то выражение возмущенной души в человеке, не способном на такой проступок, было истолковано капитаном как явное подтверждение павшего на него обвинения. Краска негодования была принята за краску стыда уличенного вора, а его упорное молчание – за неимение оправданий, и в результате капитан объявил, что убежден в виновности Питерса. Несчастный был подвергнут тому жестокому и унижительному наказанию, какое полагается на военных судах за воровство, преступление, которое никогда не прощается во флоте вообще, а в военном – в особенности.

Редкое преступление преследуется с такою строгостью на судах, как воровство, и действительно, уличенный в воровстве на судне человек заслуживает наказания. Но когда это позорное и унижительное наказание применяется без достаточных улик и доказательств, когда унижают и оскорбляют человека, роняя его в глазах его сослуживцев и товарищей, бесповоротно марают его репутацию честного и порядочного человека на основании одного только подозрения, – такая возмутительная несправедливость может вызвать в душе этого человека только ненависть и озлобление к существующим порядкам и к начальству, которому дано такое самовластье, и из человека, готового с радостью пожертвовать жизнью за родину, из человека благонамеренного и надежного сделать недовольного, возмущенного и опасного.

Такое действие произвело бы это незаслуженное наказание почти на каждого человека, но для Питерса смерть была бы несравненно легче и отраднее, чем это подозрение, обвинение

и это телесное наказание. А потому немудрено, что он воспользовался первой возможностью и дезертировал с судна.

Удивительно, что большинство людей находит себе утешение в том, чтобы вовлечь и другого в то несчастье, в какое вовлек их случай или судьба. Как солдаты, так и матросы испытывают какую-то тайную радость при поимке дезертира, будь он их лучший друг. То же самое случилось и с Эдуардом Питерсом: его лучший ближайший друг, которому онверял все свои чувства и планы, указал начальству, где его можно разыскать. Благодаря этим указаниям несчастный дезертир был пойман, возвращен на судно и подвергнут тому страшному наказанию, какому вообще подвергаются во флоте дезертиры.

Судьбе было угодно, чтобы в тот самый день, когда Питерс был водворен на судно, пропавшие часы были случайно найдены у слуги казначея. Таким образом доброе имя Эдуарда Питерса восстановлено. Но как дезертир он был брошен в трюм и закован в кандалы. Ввиду того, что Питерс заявил при поимке, что обида и оскорбление от несправедливо перенесенного наказания понудили его дезертировать, так как он не был в состоянии снести незаслуженный позор, офицеры настаивали на том, чтобы командир оставил без последствий это преступление, которое имело столь веские оправдания, но капитан, большой сторонник военного суда, воображавший, что эти торжественные совещания придавали ему больше значения в глазах его подчиненных, предал Питерса военному суду, предпочитая взвалить на жертву своего заблуждения новые вины и преступления, чем сознаться в своей ошибке и неправоте.

Военный суд приговорил Питерса к смертной казни, но ввиду смягчающих вину обстоятельств признал его заслуживающим снисхождения и заменил смертную казнь телесным наказанием. Не странно ли, что большинство людей воображают, что другие люди должны быть менее чувствительны и самолюбивы, чем они, и то, что для них самих было бы ужаснее самой смерти, должно, по их мнению, казаться другому чем-то вроде снисхождения? Все эти капитаны, входившие в состав военного суда, искренно сочувствовали Питерсу и полагали, что смягчили его наказание и облегчили его участь, отменив смертный приговор. Они, как большинство людей привилегированного класса, думали, что те тонкие чувства, какие заставляют человека предпочитать смерть позору, присущи только людям высшего класса, а человек, которого судьба или несчастный случай поставили в низшее положение, непременно должен предпочитать всякого рода душевную и телесную муку смерти.

Наказание фухтелями на глазах всей эскадры означало, что обреченный на это наказание должен был получить полное число ударов у борта каждого из судов эскадры. С этой целью спускался большой баркас с установленным на нем помостом для наказания.

На баркасе помещаются: виновный, боцман и его помощники с фухтелями, а солдаты с ружьями расставляются на носу и на корме.

По сигналу со всех судов эскадры высылают по одной или по две шлюпки: экипаж в чистых рубашках и офицеры в полной парадной форме, а солдаты с ружьями.

Все эти шлюпки группируются около судна, подле которого должно происходить наказание, всех людей вызывают наверх и посылают на ванты, чтобы все они могли быть свидетелями наказания их товарища. После этого громко читается приговор суда, и затем приступают к приведению его в исполнение. Получив известное определенное в приговоре число ударов под бортом своего судна, виновный получает разрешение присесть, и ему набрасывают на спину и плечи одеяло, между тем как присутствующие при наказании шлюпки прицепляются к баркасу и отводят его к следующему судну, привязывают к нему, и затем несчастный снова подвергается наказанию и получает опять полное число ударов на глазах всего экипажа этого чужого судна. Это повторяется под бортом каждого судна, входящего в состав данной эскадры, с теми же церемониями и той же унижительной обстановкой.

В большинстве случаев это тяжелое наказание оставляет неизгладимые последствия на всем организме человек: здоровье, а часто и самый рассудок наказанного сильно страдают от этого.

А потому когда Питерс получил полное число ударов, то трудно было сказать, что в нем было сильней истерзано, тело его или душа.

Во всяком случае, время могло залечить раны его тела, но раны его души не могла излечить никакая сила. С этого момента Питерс стал отчаянным человеком.

Случилось так, что вскоре после того, как он вынес свое незаслуженное наказание, распространился слух о возмущении в Спитхэде, причем нерешительные действия адмиралтейства в этом деле трудно было скрыть. Возмущение было успокоено уступками и снисхождениями, а как известно, это самая плохая мера, когда эти уступки делаются начальствующими своим подчиненным.

Видно, свет так устроен, что только кровь может служить прочной гарантией какого бы то ни было договора. Во все времена и у всех народов кровь являлась единственной надежной порукой, и только то, что было запечатлено кровью, могло считаться серьезно улаженным делом. Без этого же нельзя рассчитывать на прочность каких бы то ни было уговоров и обещаний.

Это подтвердилось и в истории спитхэдского возмущения, как и следовало ожидать.

Глава II

Вслед за возмущением в Спитхэде последовало несравненно более крупное и серьезное возмущение и бунт в Норе. Паркер, глава возмущения, словно метеор, мелькнул и погас, но искра была брошена, и пожар вспыхнул с новой силой. За исключением нескольких судов, вся Таксельская эскадра в Ламанше была охвачена бунтом.

Только благодаря необычайному мужеству и благородству адмирала Дункана, эти суда остались в повиновении, несмотря на всеобщее восстание.

6-го июня «Агамемнон», «Леонард», «Пылкий» и другие суда отделились от эскадры адмирала Дункана и пристали к взбунтовавшемуся флоту Нера. Видя, что часть его эскадры отошла, а другая находится в нерешительности, адмирал Дункан собрал экипажи всех сохранивших еще некоторую дисциплину судов и обратился к ним со следующей речью:

«Ребята, с прискорбием в душе созвал я вас сегодня: все мы были свидетелями печального недовольства нашего флота. Я называю это недовольством, так как никаких серьезных обид и причин к возмущению у них нет. Быть покинутым частью своих судов на глазах у неприятеля – это такой позор, какого не испытывал до настоящего времени ни один английский адмирал, и сам я не считал это возможным. Единственным для меня утешением является то, что я нашел поддержку в офицерах, в матросах и солдатах командуемого мною судна и еще в вас, собравшихся здесь, за что и приношу вам мою сердечную благодарность. Будем надеяться, что ваш благой пример вразумит остальных, вернет их к сознанию своего долга по отношению не только к своему королю и к своей родине, но и к самим себе.

Британский флот искони был главной опорой и оплотом дорогой свободы, которую мы унаследовали от наших предков и отцов, и которую, надеюсь, мы сохраним до скончания века. Но это возможно только при сохранении порядка, повиновения и строгой дисциплины. Экипажи этого судна и других, сохранившие в настоящее трудное и печальное время порядок и дисциплину, заслуживают стать и без сомнения станут любимцами и гордостью нашей благородной нации. Кроме того, они всегда будут иметь отраду внутреннего сознания своей правоты и безупречности, которую никто никогда не отымет у них.

Я постоянно с гордостью смотрел вместе с вами на Тексель и видел врага, который боялся показаться, боялся столкнуться с нами. Теперь эта гордость моя принижена: многие из наших славных братьев отделились от нас, отпали, отшатнулись от своих обязанностей. Это – испытание, ниспосланное нам Провидением, из которого мы должны выйти победителями. Я верю и знаю, что среди вас много хороших людей, а что касается лично меня, то я вполне доверяю каждому из вас, и еще раз благодарю вас и хвалю за ваше доблестное поведение в это смутное и тяжелое время.

Пусть Господь, который до сих пор вразумлял вас, и впредь сохранит вас на добром пути, и пусть английский флот, гордость и опора нашей страны, вновь возродится в прежней своей силе и славе и будет, как он был до сих пор, не только оплотом Англии, но и страхом и грозой для ее врагов.

Это возможно только при добросовестном исполнении нашего долга, присяги и строгой дисциплины и порядка, а потому будем молить Всемогущего Творца, чтобы он сохранил нас на добром пути и отогнал от нас всякие вредные мысли и мечтания. Господь да благословит вас!»

Эта простая, безыскусственная речь до слез растрогала всех присутствовавших своею задушевною искренностью, которая звучала в каждом слове, отзываясь в сердцах людей, которые все до одного тут же решили стоять на жизнь и смерть за своего адмирала. Если бы все суда английского флота имели таких командиров, как адмирал Дункан, то за возмущением в Спитхэде не последовало бы бунта в Норе. Но вообще экипажи судов не имели ни малейшего доверия к своим командирам, ни малейшего уважения к ним, ни к своему высшему началь-

ству, лордам и адмиралам, заседавшим в адмиралтействе. Они не верили ни их обещаниям, ни их словам, считая их пустой проволочкой времени.

Таково было положение дел, и весьма естественно, что раздраженный, озлобленный и оскорбленный до глубины души Питерс стал одним из первых в ряды бунтовщиков на своем судне. Мало того, он один из всех был способен стать руководителем и главарем бунтовщиков, тем более, что его положение, как человека оскорбленного, человека высшего образования и развития, ставило его, само по себе, выше остальных, которые все единодушно признавали его превосходство и его старшинство над собой. Хотя судно, где находился Питерс, вначале еще и не пристало открыто к восставшим судам, но и оно уже проявляло явные признаки недовольства и неповиновения. Вскоре самое поведение капитана, командовавшего этим судном, вызвало экипаж на решительный шаг. Встревоженный беспорядками на других судах, стоящих на якоре близ его судна, и заметив несомненные признаки недовольства в своем экипаже, он прибегнул к совершенно ничем не вызванной и ничем не мотивированной строгости под влиянием боязни и страха за свою безопасность.

Он приказал забить в кандалы нескольких унтер-офицеров и главарей экипажа за то, что видел, как они о чем-то серьезно совещались на баке, а затем, спохватившись, что Питерс должен был, без сомнения, быть в числе недовольных, без всякого основания приказал и его заковать в кандалы. Это переполнило чашу терпения, и весь экипаж в полном составе явился на верхнюю палубу, потребовав от капитана отчета, на каком основании Питерс и остальные были посажены в трюм. Заметив, что командир несколько растерялся, они стали требовать, невзирая на решительный вид офицеров, чтобы их товарищи были немедленно освобождены. Таким образом, первое действие открытого бунта было вызвано неразумным и неосторожным поступком самого командира.

Напрасно офицеры грозили наказанием и старались держать себя с достоинством. В толпе раздалась три громких торжествующих «ура». Пехота, оставшаяся еще верной своей присяге, была тотчас же призвана к оружию старшим лейтенантом, так как командир совершенно растерялся и стоял, как истукан. Экипажу было приказано немедленно идти вниз, под угрозой, что в случае неповиновения по ним будут стрелять. Офицер, командовавший морской пехотной ротой, скомандовал солдатам «готовься!», и в следующий момент они собирались уже открыть огонь, так как ни один матрос не тронулся с места, когда старший лейтенант остановил их движением руки. Он желал прежде всего убедиться, все ли матросы восстали, как один человек, или есть между ними и такие, которые еще остались верны долгу и присяге.

Выступив вперед, он потребовал, чтобы каждый отдельный матрос, оставшийся верным своему государю, выделился из толпы и перешел на ту сторону палубы, где сгруппировались вокруг капитана офицеры и морская пехотная команда.

Наступила томительная минута молчания, – и вот из толпы выделилась, наконец, фигура пожилого матроса. Это был Вильям Адамс, старый квартирмейстер. Медленно перешел он на сторону офицеров, сопровождаемый громкими свистками экипажа. Старик только что поставил ногу на один из брусьев по сторонам люка, как, обернувшись к товарищам, подобно льву, вызывающему противника на бой, произнес громко и отчетливо:

– Ребята, я 35 лет служил верой и правдой моему королю! Я проливал кровь за него в десятках сражений и уже слишком долго был ему верным слугой, чтобы восстать против него и стать на сторону бунтовщиков на старости лет. Вас же я не осуждаю: вы поступайте по своему разумению, а я поступаю по своему!

И как это ни странно, но когда бунт был усмирен, об этом геройском поступке Адамса не было даже доведено до сведения короля или хотя бы только высшего начальства. Так умел капитан А. ценить и награждать заслуги.

Но поступок Адамса не нашел подражателей: кроме него, ни один матрос не перешел на сторону капитана и офицеров.

Экипаж с криком «ура» бросился вниз, оставив офицеров и команду морской пехоты в полном недоумении.

Матросы прежде всего обезоружили и связали часовых, затем освободили всех своих товарищей, после чего собрались для совещания на баке. Совещание длилось недолго, помощник боцмана, который был одним из главарей, просвистал: «Забирай гамаки и койки!» Матросы схватили каждый свою койку или гамак и выбежали с ними наверх, где в одну минуту была воздвигнута баррикада, так как офицеры в первый момент не сообразили, что они намеревались делать, и потому не успели воспрепятствовать им вовремя построить баррикаду и даже высунуть в две искусно устроенные амбразуры жерла двух крупных 24-фунтовых орудий, заряженных картечью и наведенных на кормовую часть палубы, где находились капитан и офицеры. Затем бунтовщики заявили, что желают говорить с ними, и так как начальству было ясно, что всякого рода сопротивление было бы совершенно бесполезно даже и при содействии морской пехоты, на которую было трудно вполне положиться, то выразили согласие выслушать экипаж.

При виде баррикады и наведенных орудий, подле которых уже стояло по человеку с зажженным фитилем, ожидая только сигнала, чтобы приложить фитиль к затравке, капитан до того испугался, что готов был бежать вниз, в свою каюту, но офицеры не допустили его до этого, хотя вся его внешность выражала несомненный страх и малодушие. Такое поведение капитана, без сомнения, должно было погубить все дело, в котором мужество, спокойствие и присутствие духа одни могли повлиять на толпу.

По предложению Питерса, командиру, офицерам и морской пехоте было предложено положить оружие и признать себя арестованными, в противном же случае, при малейшей попытке предпринять что-либо, фитиль будет приложен к затравке.

Наступила минута напряженного молчания, точно затишье перед бурей. У каждого из присутствующих сердце билось учащенно, в груди каждого klokотали разнородные страсти: в одних выплывали наружу старые обиды и оскорбления, возмущался вольный дух против насилия и безгласного рабства, в других говорил страх или предчувствие неминуемой беды: у одних обида за свое бессилие и беспомощность, у других – гордая решимость умереть, если нужно, но с гордо поднятым лицом, как подобает человеку, сознающему свою правоту и свое превосходство. Среди всех этих разнообразных чувств и расходившихся страстей только одно маленькое сердечко билось ровно и спокойно, неустрашимо и безбоязненно, только в одних ясных больших глазах не отражалось ничего, кроме любопытства и удивления. Такого рода зрелище было непривычно для маленького Вилли, этого шестилетнего ребенка в полной матросской форме, который мог бы считаться воплощением детской красоты, если бы не чересчур разумный и вдумчивый взгляд его больших карих глаз, придававших его личику что-то необычайное в столь раннем возрасте. Ребенок по очереди смотрел то на капитана и офицеров, то на грозную баррикаду, из-за которой виднелись только головы матросов. Он стоял, недоумевая, куда ему пойти: идти к офицерам, которые любили и баловали его, он не решался вследствие присутствия капитана А., которого он заметно чуждался, пойти же к отцу и матросам не мог, так как койки и гамаки преграждали ему дорогу. Наконец, он сделал несколько шагов вперед и прислонился к одному из орудий, так что головка его находилась на уровне самого жерла. Адамс, заметив опасность, которой подвергался ребенок, выступил вперед и направился к баррикаде.

Это было против условия, поставленного бунтовщиками, поэтому Питерс крикнул ему:

– Эй, Адамс, ни шагу, не то мы будем стрелять! Адамс только махнул рукой и продолжал идти вперед.

– Вернись назад! Не то, клянусь небом, мы будем стрелять! – повторил Питерс.

– В старика, да еще безоружного? Нет, Питерс, вы не будете стрелять, я не стою этого заряда пороха... Во имя Бога, во имя вашего собственного душевного спокойствия, Питерс, не стреляйте! Не то вы никогда в жизни себе этого не простите! – крикнул старик.

– Задуй фитиль! – скомандовал Питерс. – Что может сделать против нас один человек!

В этот момент Адамс подошел к самому жерлу орудия и схватил ребенка на руки.

– Я пришел сюда, Питерс, только для того, чтобы спасти вашего ребенка, головка которого разлетелась вы вдребезги, если бы выстрелили из орудия! – сказал старик, повернувшись кругом и идя на свое прежнее место с ребенком на руках.

– Да благословит тебя Бог, Адамс! – воскликнул Питерс дрогнувшим, взволнованным голосом, любовно глядя на своего сына: нежное отцовское чувство смягчило на мгновение озлобленное и ожесточенное сердце бунтовщика.

Адамс отнес ребенка на корму и поставил его среди офицеров.

Глава III

Между людьми, как и между большинством стадных животных, очень не многие обладают способностью стать во главе движения, быть предводителями толпы: большинство создано, чтобы следовать по указанному пути, а не пролагать новый путь и вести других за собой. То же было и в данном возмущении, а на том судне, о котором идет речь, быть может, один Питерс был способен стать во главе движения и руководить остальными, потому-то он и стал душой бунта на своем судне, им он держался, им мог быть усмирен по желанию, и был момент, когда все лучшие чувства заговорили в нем при виде своего ребенка. Капитан, которому была знакома человеческая природа, капитан, обладающий решимостью и чутким сердцем, сумел бы воспользоваться этим моментом и, повлияв на Питерса, усмирить бунт в самом его начале. Но капитан А., заметив тревогу Питерса за своего ребенка, вздумал воспользоваться этим нежным родительским чувством и, видя в мальчике драгоценного заложника, выхватил его из рук Адамса в тот момент, когда тот готовился опустить его на пол. Капитан приказал двум солдатам направить на ребенка свои заряженные ружья, давая этим понять бунтовщикам, что при малейшем враждебном действии их он прикажет убить мальчика.

Оба солдата, которым было отдано это приказание, молча смотрели друг на друга, но ни тот, ни другой не исполнили приказания. Капитан повторил его еще раз с самодовольным видом, воображая, очевидно, что напал на гениальную мысль. Среди офицеров послышался ропот и протест. Лейтенант, командовавший пехотой, отвернулся с нескрываемым чувством негодования, но все было напрасно. Капитан с угрозой повторил свое приказание, – и вдруг вся рота пехоты с сержантом во главе, обступив сплошной стеной маленького Вилли, со штыками наперевес, перешла на сторону бунтовщиков с громким «ура!»

Когда мальчика передали через баррикаду прямо на руки отцу, старший лейтенант подошел к капитану и с мрачным, недовольным видом произнес:

– Теперь мы должны сдаться на их условия, сэр!

– Да, да, на все условия... На все, какие они только захотят! – заволновался капитан А. – Скажите им, Бога ради, что мы на все согласны... Скажите же, не то они будут стрелять!

Но это приказание оказалось совершенно излишним, так как бунтовщики, поняв, что теперь всякого рода сопротивление со стороны начальства уже совершенно немыслимо, сами разрушили баррикаду и двинулись с Питерсом во главе к командиру и офицерам.

– Вы согласитесь, конечно, господа, считать себя арестованными? – спросил Питерс, обращаясь прямо к старшему лейтенанту и офицерам и умышленно игнорируя капитана.

– Да, да, мы на все согласны! – заторопился капитан А. – Надеюсь, вы не захотите замарать свои руки кровью, мистер Питерс? Ведь я не хотел сделать зла вашему ребенку!

– Если бы вы даже и убили его, то не сделали бы ему того зла, какое вы сделали мне, капитан, – отозвался Питерс, – но за жизнь свою вы можете быть спокойны: мы с личностями не воюем! – презрительно добавил он.

Это был момент торжества Питерса: он видел перед собой этого человека, трепещущего и заискивающего его милости. Это был момент отмщения, момент, когда Питерс мог выказать ему все свое презрение, имея власть казнить и миловать.

Как это видно из всех отчетов и документов того времени, бунтовщики вообще относились к своим офицерам и командиру с должным уважением, хотя и держали их под арестом, не признавая их власти. Нежелавших покориться им они отправляли на берег, но никакой грубости и насилия не было произведено по отношению к тем, кто сам своими действиями и поведением не вызывал на грубость.

Правда и то, что требования бунтовщиков на этот раз были менее благоразумны, чем во время возмущения в Спитхэде, но когда заговорят чувства, возмущенные несправедливостью, то трудно требовать умеренности и благоразумия.

В качестве делегата от своего судна Питерс отправился на следующий день на «Королеву Шарлотту», где Паркер, глава и вожак возмущения, ежедневно собирал вокруг себя всех делегатов, сообщал дальнейшую программу действий, отдавал распоряжения. Питерс вскоре стал одним из наиболее видных и деятельных участников в этом деле и, благодаря своему высшему развитию и образованию, выделялся даже среди главарей бунта.

Паркер, хотя, без сомнения, способный и талантливый человек, не обладал, однако, всеми теми качествами, какие необходимы для человека, стоящего во главе сильного движения.

Чтобы достигнуть в таком деле успеха, надо быть совершенно необычайным человеком, надо родиться для того, чтобы повелевать толпой, чтобы заставить ее слепо следовать за собой вопреки всему. Паркер же давал слишком много времени, чтобы одуматься, и этим погубил все дело, погиб сам и обрек на гибель всех своих ближайших и наиболее деятельных соучастников.

В числе других и Питерс был приговорен к смерти на эшафоте как бунтовщик и изменник.

Закованный в ножные кандалы в тесном судовом карцере с крепкими решетками сидел Питерс, тут же у его ног лежала его жена, пряча голову в его коленях, а немного дальше сидел на деревянной чурке старик Адамс и гладил по головке стоявшего подле него маленького Вилли. Все молчали, взоры всех были обращены на несчастную женщину, которая казалась самой безутешной из них всех.

– Дорогая, дорогая моя Елена, не надо так отчаиваться! – растроганно вымолвил, наконец, Питерс. – Мужайся, родная!

– Но почему же ты не хочешь сделать того, о чем я тебя прошу?! Твой отец, как ни раздражен против тебя, все же в этот трагический момент смягчится, в нем заговорит родительское чувство, я в этом уверена, и его фамильная гордость не допустит того, чтобы ты умер на эшафоте. Он употребит все свое влияние, чтобы спасти тебя, тем более, что твое ложное имя даст ему возможность, не краснея, просить о твоём помиловании!

– Зачем же ты, родная, доставляешь мне горе, вынуждая меня снова отказывать тебе? Я хочу умереть, Елена, хочу, потому что заслуживаю смерти! Когда я думаю о том, какие страшные последствия могло иметь это возмущение для нашей родины, то благодарю Бога, что наше дело потерпело неудачу. Те беды и несправедливости, жертвой которых был я, не оправдания, а только могут служить некоторым извинением. Все они ничто в сравнении с тем преступлением, на какое я решился. Что значит счастье и благополучие одного человека в сравнении с несчастьем целого народа, с позором целой нации? Нет, Елена, поверь мне, я не мог бы быть счастлив, если бы не искупил смертью своего преступления, и если бы не ты, моя дорогая, моя неоцененная... если бы не он, наш мальчик, я бы с легким сердцем взошел на эшафот!

– Не думай обо мне, Эдуард! – воскликнула несчастная женщина, схватившись рукой за сердце. – Я чувствую, что мы скоро встретимся там, где нас ничто не разлучит, но наш мальчик, наш дорогой мальчик! Что станет с ним, когда нас с тобой не будет?

– Если Бог сохранит мне жизнь, – сказал Адамс, – Вилли никогда не будет без отца! – И крупные слезы ручьем покатились из глаз старика.

– Что с ним станет? – воскликнул, воодушевляясь, Питерс. – Он будет служить верой и правдой своему народу, своей родине и своему королю и смое позор с памяти отца! Подойди ко мне, сын мой!.. Посвящаю тебя на служение родине! Будь ей верным сыном и ревностным слугой! Чти ее законы и ее короля!.. Понимаешь меня, Вилли? Обещаешь ли ты то, о чем я тебя прошу?

Мальчик опустил голову на плечо отца и, любовно прижавшись к нему, проговорил:

– Да, я обещаю... Но только скажи мне, что они сделают с тобой?

– Я должен буду умереть для блага моей родины, и если Господу будет угодно, сделай то же и ты, но только иным путем!

Ребенок задумался и затем молча отошел от отца и прижался к матери, которая даже не подняла головы.

– Вы, быть может захотите переговорить о чем-нибудь без посторонних? – сказал Адамс – так я возьму Вилли наверх: пускай подышит свежим воздухом, а потом я сам уложу его спать. Покойной ночи, хотя вряд ли вы проведете ее спокойно!..

Действительно, это была последняя ночь перед казнью Питерса. Как описать то, что было между Питерсом и его женой, горячо любимой и безумно любившей мужа, в эту страшную последнюю ночь? Такие моменты не поддаются описанию!

Адамс слышал, как Питерс посвятил своего мальчика королю и родной стране, слышал, как он завещал ему служить им верой и правдой, и у старика явилась мысль скрепить чем-нибудь это завещание. Широкая стрела со времен Эдуардов считалась в Англии как бы гербом короля (так как в те времена это было наиболее сильное оружие), с тех пор всякая вещь, составлявшая собственность короля, отмечалась такой стрелой, и всякий, у кого находился какой бы то ни было предмет с изображением этой стрелы, считался похитителем собственности короля.

Чем мог Адамс лучше закрепить желание Питерса, увековечить, так сказать, его завет, как не наложением этой печати собственности короля на ребенка? У моряков очень распространен обычай татуировки: редкий старый моряк не носит на своем теле, преимущественно на руке, часто от кисти и до плеча, всевозможных изображений, якорей, вензелей, змей, щитов, крестов и т. п. И Адамс убедил мальчика согласиться подвергнуть себя этой операции. Ребенок согласился, и старый матрос тут же, не теряя времени, изобразил у него на левом плече посредством наколов стрелу и затер ранки порохом, смешанным с чернилами, после чего забинтовал ему руку и уложил спать.

Глава IV

День родился ясный, хотя и холодный. Яркие лучи солнца прокрались и сквозь решетки карцера. Измученные и изнеможенные супруги забылись на мгновение тяжелым сном. Питерс пробудился первым и тихонько разбудил жену. Она подняла голову: яркий луч света ударил ей в глаза. С криком отчаяния она снова спрятала свое заплаканное лицо на груди мужа: бедняжка не могла поверить, что уже наступило роковое утро.

– Если ты любишь меня, Елена, не смущай меня, дорогая, в этот последний час! Мне надо еще многое сделать, и я нуждаюсь в твоей помощи и содействии, дорогая! – проговорил приговоренный. – Встань и подай мне перо и бумагу: я напишу отцу, надо позаботиться о нашем ребенке.

Едва держась на ногах, несчастная женщина встала и подала мужу требуемое, а затем, опустившись на пол подле него, как бы застыла в своей позе немого отчаяния и полной безнадёжности.

«Дорогой отец, – писал между тем Питерс, – да, все еще дорогой, несмотря ни на что! Когда бы будешь читать эти строки, ты уже будешь бездетным: твой старший сын пал с честью на поле брани, а через несколько часов младший сын умрет позорной смертью на эшафоте. Но об этом будешь знать ты один, так как никто, кроме тебя, не знает, что несчастный Питерс, глава бунта на судне, – представитель славного имени, до сих пор ничем не запятнанного. Я охотно избавил бы тебя от горя, которое причинит тебе это известие, но на мне лежит долг по отношению к моему сыну. Я хочу, чтобы ты знал, что у тебя есть внук, чтобы твое состояние не перешло со временем в чужие руки каким-нибудь дальним родственникам, и чтобы мой сын впоследствии мог заявить о своих правах. Я мог бы сказать: „я прощаю тебя, отец“, но нет! Я скажу просто: „пусть прошлое будет забыто“, и ты, читая эти строки, подумай о печальной судьбе твоего когда-то счастливого и любимого сына и перенеси эту нежность и любовь на моего ребенка, – я посвятил его служению родине и королю, и если ты простишь меня и вздумаешь взять на свое попечение моего сына, то прошу тебя, не создавай для него другой карьеры: я дал торжественное обещание Творцу в том, что сын мой изгладит то, в чем сам я погрешил. Это последняя просьба умирающего!

Несчастливая мать моего ребенка сидит теперь у моих ног, и я готов умолять тебя не оставить ее, поддержать и утешить, хоть знаю, что бедняжка недолго будет нуждаться в чьей-либо помощи или утешении. Однако все-таки облегчи ей последние дни ее земной жизни и не оставь сироту.

Да благословит тебя Бог, отец! Пусть Он воздаст тебе за то, что ты сделаешь для моего ребенка.

Твой несчастный Эдуард»

Едва только Питерс дописал это письмо, как в его камеру вошел Адамс с маленьким Вилли.

– Я пришел за последними распоряжениями, – сказал старик, – и затем, чтобы сказать вам, Питерс, что я сделал вчера с этим мальчиком. Вы посвятили его королю и родной стране. Смотрите, я навсегда закрепил это ваше желание: никто не может ошибиться в этом знаке! – И старик обнажил до плеча руку мальчика, на которой ясно выделялась стрела, немного воспаленная и припухшая, как всегда в первые дни после наколов. – Я не сказал вам об этом раньше, так как боялся, что Елена воспротивится этому, боясь причинить боль мальчугану, но он даже не пикнул. Я полагал, что это вам будет приятно, Питерс!

– Да, да! Большое вам спасибо, Адамс, – проговорил приговоренный, – вы не могли мне сделать большей радости! А теперь обещайте мне еще, что вы будете заботиться о моей бедной Елене!

– Я вас понимаю, Питерс, будьте спокойны, я за ней присмотрю. Капеллан тоже тут, и если вы желаете его видеть, то я его сейчас пошлю сюда!

– Да, Адамс, попросите его сюда: я буду рад побеседовать с ним!

Вошел священник. Питерс сказал ему, что примирился со своею совестью, с Богом и с людьми, но просил его благословения и утешения для жены. Но та не принимала никаких утешений: она упорно молчала в немом оцепенении. Заметив это, капеллан сказал: «помолимся!» и опустился на колени. Все присутствующие последовали его примеру, и полилась горячая молитва за приговоренного. После горячей молитвы священник снова принялся утешать Елену, а Питерс тем временем выбрился и переоделся в чистое праздничное платье в ожидании, когда его потребуют наверх.

Не успел он закончить, как явился главный заведующий арестантами и стал сбивать кандалы с ног приговоренного, чтобы вести его на казнь.

Теперь все было готово, и Питерс, прижав ребенка к своей груди, молча простился с ним. Сердце его сжималось от боли при виде жены, которая все еще находилась в каком-то оцепенении, близком к бессознательному состоянию. Собрав свои последние силы, Питерс отказал себе в последней горькой радости – проститься с ней и пошел наверх в сопровождении духовника, который осторожно передал бесчувственную женщину на руки Адамсу, чтобы идти за осужденным.

Капитан А. прочел Питерсу его смертный приговор. Питерс выслушал его с полным спокойствием и затем просил разрешения сказать несколько слов экипажу. Капитан поспешил отказать, но по просьбе офицеров и капеллана разрешение было дано. Поклонившись капитану, а затем офицерам, приговоренный обратился к своим сотоварищам:

– Товарищи, у многих из вас есть семья и дети: у тех же, у кого нет, вероятно, будут! Если вы, окончив службу или будучи в отпуску, станете рассказывать об этом печальном бунте, то не забудьте добавить, что окончился он позорной казнью главарей и зачинщиков, и что один из них в присутствии всех вас признал приговор справедливым и казнь свою вполне заслуженной и приносил самую искреннюю благодарность Его Величеству за милостивое помилование остальных, вовлеченных в это печальное возмущение. Научите своих детей оставаться всегда верными своему долгу и укажите им на мой печальный пример!

В этот момент маленький Вилли выбежал на палубу и, проложив себе путь между ног стоявших в строю солдат, кинулся к отцу, ухватился за него и молча вопросительно глядел ему в глаза. Питерс пытался было продолжать свою речь, но голос его порвался, и слезы душили его. С минуту он боролся против охватившего его волнения, затем, будучи не в силах совладать со своим чувством, только махнул рукой и, склонившись к ребенку, залился слезами.

Вся эта сцена производила потрясающее впечатление: все до одного плакали, матросы и солдаты, офицеры, и даже капитан А. был растроган. Первым прервал молчание маленький Вилли.

– Папа, куда ты собрался? Куда ты идешь? Зачем на тебе этот колпак?

– Я отхожу ко сну, дитя! Господь да сохранит тебя, и пусть благословение Его будет над тобой! – проговорил Питерс, совершенно овладев собой и, подняв ребенка, крепко поцеловал его долгим прощальным поцелуем и затем снова поставил его на землю. – Я готов, сэр! – продолжал он. – Капитан А., я вас прощаю, так как надеюсь, что Бог простит меня! Г. лейтенант, – обратился он к старшему офицеру, – возьмите этого ребенка и не пускайте его на бак: не забывайте, что он – «королевская собственность»!

С этими словами Питерс твердыми шагами направился к виселице, приготовленной на носовой части судна. Капеллан последовал за ним машинально, едва сознавая, что происходит вокруг него. Накинули петлю, раздался оглушительный выстрел орудия, – и в одну минуту все было кончено.

Но как ни был оглушителен раскат выстрела, душу раздирающий женский крик покрыл его на одно мгновение, и сердце каждого невольно содрогнулось при этом звуке. То был почти нечеловеческий крик, и вместе с ним отлетела в вечность душа бедной, страдавшей женщины. Елена не пережила мужа: в тот же вечер тела обоих были зарыты в одну общую могилу.

Глава V

Адмирал де Курси, к которому было адресовано предсмертное письмо Эдуарда Питерса, был прямым потомком древнего аристократического рода и владельцем богатых поместий, благодаря чему имел большие связи в высших слоях общества и государственной иерархии. Отца своего он лишился в раннем детстве, оставшись на попечении слабой, безумно любящей его матери, никогда ни в чем не перечившей его капризам и желаниям, единственным наследником очень крупного состояния. При таких условиях даже и хорошие дети часто становятся дурными, себялюбивыми эгоистами, но молодой де Курси не был хорошим ребенком даже и в самом раннем детстве, а потому все его дурные задатки только получили более полное развитие с годами. В ту пору, когда на должности командиров судов часто назначались юные мальчики, вовсе не знакомые с морским делом, которое всецело лежало в таких случаях на старшем офицере, командир являлся только показной фигурой, к сожалению, наделенной почти безграничной властью, дававшей полный простор иногда совершенно дикому произволу. Получив, благодаря протекции влиятельной родни, командование одним из лучших фрегатов, молодой де Курси стал таким же жестоким тираном на своем судне, как и у себя в доме, где он вогнал в гроб свою нежно любящую мать. Его капризный необузданный и жестокий нрав сделали его ненавистным для всех окружающих, его судно было прозвано «Плавучим Адом» среди моряков.

Так как ни один офицер не соглашался служить с таким командиром, а матросы дезертировали целыми десятками, и один из лучших фрегатов почти постоянно стоял в гавани, то правительство, наконец, решило, ввиду безусловной необходимости, распустить всю команду судна и передать командование им другому офицеру, а лейтенант де Курси, теперь уже капитан де Курси, принужден был поселиться в Лондоне и жить на свои собственные средства, так как, несмотря на сильные связи и протекции, в правительственных сферах не находилось такого поста, который можно было бы доверить человеку с его необузданным и самовластным характером и с его чрезмерной жестокостью.

Вскоре, одержимый новым пороком, чрезвычайной скупостью, капитан де Курси покинул лондонский свет и поселился в своих поместьях, став ненавистным тираном и чудовищем для всех окружающих. Несмотря на его громадное состояние и громкое имя, не находилось даже девушек или матушек взрослых дочерей, которые отнеслись бы к нему с благосклонностью. Живя в совершенном одиночестве и тираня только своих слуг и находящихся в зависимости от него людей, де Курси не находил себе удовлетворения и ежегодно ездил куда-нибудь на воды – повидать новых, не знакомых ему людей.

Обладая очень привлекательной наружностью и изысканными манерами, он мог нравиться с первого взгляда, и на одном из морских купаний, встретившись с прелестной девушкой, которой он очень пленился, он успел пленить и ее: предложение его было принято, и свадьба состоялась. Но вскоре молодая мученица стала проклинать тот день, когда она стала женою де Курси, и после нескольких лет страшно несчастного брака, подарив мужа двумя сыновьями, умерла преждевременной смертью.

Пока эти мальчики были бессильными, беспомощными младенцами, не проявлявшими ни в чем своей воли, отец забавлялся ими, как игрушками, как маленькими собачками, но когда они стали подрастать, и отец стал замечать в них некоторое неодобрение его поступков и поведения, он сразу возненавидел их и поспешил отдать в чужие руки. Мальчики с ужасом помышляли о тех днях, которые им приходилось по воле отца проводить дома, а в летнее время с утра до поздней ночи пропадали в лесах и полях, стараясь как можно реже попадаться на глаза родителя. Но даже и это не спасло молодых людей от крупных столкновений с отцом. Сначала гнев отца обрушился на Вильяма, старшего из братьев: из-за какого-то пустяка, в котором тот осмелился не согласиться с отцом, этот последний нанес сыну такие побои, от которых тот

лишился чувств и затем в течение нескольких недель не мог оправиться, несмотря на уход искусного и опытного доктора. Во время своей болезни Вильям решил отправиться тайно от отца в Индию, рискуя всеми трудностями новой жизни, чтобы не сносить более подобного обращения, и едва только оправился, как привел в исполнение свою мысль, оставив на столе своей комнаты письмо, где извещал отца о своем решении. В Индии молодой де Курси стал быстро подвигаться по службе и, достигнув в короткое время чина капитана, был убит в одном из сражений. За отсутствием старшего сына озлобленный еще более адмирал де Курси (к этому времени глава рода де Курси был произведен по старшинству в списках в адмиралы), всецело обрушился на младшего, Эдуарда. Молодой человек искал спасения в доме престарелого священника, который был отцом единственной прекрасной и милой дочери Елены. Весьма естественно, что, проводя вместе целые дни, молодые люди полюбили друг друга и привязались один к другому всей душой. Когда отец Елены скончался, оставив ее беззащитной сиротой, без родных и друзей и без гроша денег, Эдуард тут же на свежей могиле старика решил сделать ее своей женой и в тот же вечер сообщил о своем решении отцу. Адмирал де Курси потребовал, чтобы сын немедленно бросил Елену или же покинул родительский дом. Эдуард де Курси, обвенчавшись с любимой девушкой, увез свою молодую жену в одну из соседних деревушек, и там молодые супруги некоторое время общими силами добывали себе насущный кусок хлеба. Но когда Елена стала матерью маленького Вилли, когда последние гроши ушли на ее болезнь, наступили тяжелые времена для молодых супругов, и Эдуард де Курси в момент отчаяния ухватился за премию, предлагавшуюся в то время правительством всем, поступавшим на военные суда. В надежде, что дальнейшее содержание его будет обеспечено куском хлеба для его молодой жены и ребенка, он поступил матросом под именем Эдуарда Питерса и вскоре занял на судне положение, более приличествующее его званию.

Адмирал де Курси курил свою послеобеденную сигару в обществе приходского викария, единственного человека, не страшившегося гнева жестокого магната и могшего похвастать некоторым влиянием на этого человека.

Викарий, как всегда, увещевал его быть милосердным и сочувственным, а адмирал, как всегда, слушал его несколько досадливо, когда слуга подал на тяжелом серебряном подносе письмо.

Едва взглянув на адрес, адмирал вымолвил: «это от моего бродяги и негодяя сына», и, не раскрыв письма, бросил его в догорающий камин.

— Право же, сэр, вам следовало бы хоть узнать, что может сказать вам в свое оправдание этот молодой человек, и так уже достаточно пострадавший за свою вину. Во всяком случае он — наследник этого громадного майората и рано или поздно станет его владельцем!

— Проклята будь самая мысль об этом! — воскликнул адмирал. — Я надеюсь, что он подойдет с голода прежде, чем это случится!

Между тем письмо, брошенное в камин, попало на груды еще незагоревшегося угля и осталось нетронутым огнем.

— Если вы не желаете прочесть этого письма, сэр, то, быть может, не будете иметь ничего против того, чтобы я прочел его! — продолжал священник. — Разрешите мне узнать, что пишет этот молодой человек, которого я всегда любил!

— Сделайте одолжение и, если желаете, оставьте его себе, это письмо!

Не сказав ни слова, викарий взял письмо и прочел его.

— Боже правый! — воскликнул он, побледнев, как полотно, и падая на стул, потрясенный содержанием предсмертного письма Эдуарда. — Несчастный юноша! Какая ужасная судьба!

Адмирал, сидевший лицом к окну, обернулся удивленный и смущенный возгласом своего собеседника. Казалось, будто что-то кольнуло его в сердце: он побледнел, но ничего не спросил и снова стал смотреть в окно, но теперь уже с напускным равнодушием.

Очнувшись немного, викарий встал и тоном полного негодования обратился к адмиралу.

– Настанет день, сэр, когда содержание этого письма заставит вас горько каяться в вашем жестоком противоестественном поведении по отношению к вашему сыну. Письма этого я не могу дать вам: из уважения к справедливости по отношению к другим, оно не должно попасть в ваши руки, а после того, как вы хотели предать его пламени и разрешили мне оставить это письмо у себя, я считаю себя вправе удержать его в своих руках. Копию с этого письма я готов прислать вам, сэр, если вы того желаете, а затем желаю вам всяких благ, адмирал! – и с этими словами викарий холодно поклонился и вышел.

– Не надо мне ни письма, ни копии! – гневно крикнул адмирал, побледнев от бешенства. – Я все равно не стал бы читать его!

Выйдя из столовой, где происходил этот разговор, викарий прежде всего осведомился о том, кто принес это письмо, и, узнав, что старый матрос, принесший его, еще дожидается в вестибюле, тотчас направился туда. Вест о кончине бедной Елены была новым ударом для доброго сердца викария, а все, что рассказал ему старый Адамс, растрогало его до глубины души.

В первую минуту у него блеснула мысль взять ребенка к себе, но на это не согласился Адамс, и викарий, порассудив, решил, что мальчику будет не худо под попечением честного старого матроса. Провидение сбережет его и в море так же, как на суше, а потому викарий просил только Адамса извещать его аккуратно обо всем, что касалось ребенка, и, не стесняясь, обращаться к нему всякий раз, когда понадобятся деньги на нужды бедного сиротки.

Простившись с Адамсом, почтенный викарий медленным шагом направился к себе домой, мысленно обсуждая вопрос, следовало ли сохранить рождение ребенка в тайне от его деда или же сообщить старику об этом, в надежде со временем смягчить его сердце и заставить его признать ребенка.

Глава VI

Ребенок обращался ко всем на судне с расспросами о своих родителях, но от всех слышал только, что они умерли. Ни у кого не хватило духа сказать малютке, что отец его был повешен, как государственный преступник.

Адамс всей душой привязался к своему воспитаннику, и на судне ребенок был всеобщим любимцем, так что не только многие из матросов, но и из офицеров желали усыновить его. Имя отца его, по безмолвному соглашению, никогда не упоминалось на судне, тем более, что теперь стало всем известно, что это не было его настоящим именем. Вилли же старый Адамс окрестил именем «Королевская Собственность», и это прозвище так и осталось за мальчиком.

В продолжение трех лет Вилли постоянно и неотлучно находился при старике Адамсе, спал на одной с ним койке, стоял с ним на вахте и по целым часам слушал его рассказы о дальних плаваниях и обучался у него читать и писать.

Мальчику было 9 лет, когда судно, где он находился, было назначено в состав эскадры, которой было предписано сделать нападение на западный берег Франции. Начальство над эскадрой было поручено командиру, человеку строгому и решительному, и капитан А., не желая видеть в качестве хозяина, командира на своем судне, а быть может, не желая идти в дело, где приходилось рисковать жизнью, списался с судна для поправления своего якобы расстроенного здоровья.

На место капитана А. был назначен другой, деятельный, пользовавшийся прекрасной репутацией капитан, и эскадра вышла в море с секретнейшими предписаниями, которые, однако, ни для кого не были секретом, как это всегда бывает там, где дела вершатся советом.

Если совет состоит из многих голов, то это, конечно, даст возможность услышать мудрое решение, но, с другой стороны, у сорока советников могут быть 40 жен и сверх того, еще, наверное, 40 языков, не считая языков их жен.

Итак, секретные предписания эскадры были известны всем, не исключая и неприятеля. По прибытии на место несколько дней было потрачено даром, вероятно, чтобы дать время неприятелю приготовиться к предстоящей атаке. Затем был приготовлен десант морской пехоты, чтобы атаковать неприятеля одновременно с суши и с моря, но такого рода сложные маневры неизбежно сопровождаются задержками, а зачастую даже недоразумениями между морским и сухопутным начальством.

После трехдневного обсуждения плана атаки, во время которого неприятель успел стянуть все свои силы и установить и расположить беспрепятственно все свои батареи, не имея более никакого разумного основания оттягивать далее предположенную атаку, произвели, наконец, десант пехотных войск, без особых потерь, если не считать одного баркаса, который потопила неприятельская бомба со всеми находившимися в нем людьми, целой полуротой пехоты с офицером. Верные долгу службы солдаты пошли ко дну в полном порядке, держа ружья наготове и не нарушая строя, но матросы, не столь дисциплинированные, поскакали в море и были выловлены товарищами на судно. Офицер вел своих солдат, надо думать, прямо в рай в том же образцовом порядке, в каком он в праздники водил их в церковь.

Между тем сухопутные войска выстраивались на берегу под неприятельскими выстрелами, а суда, которые должны были служить им прикрытием, открыли огонь по неприятелю и уложили немало врагов, не многим меньше, чем своих: если бы неприятель не прятался за каменными стенами своих укреплений, то не подлежит сомнению, что он был бы сильно побит.

Командир, бросив якорь перед самой крепостью, также открыл огонь по неприятелю, но упустил из виду, что батареи цитадели были направлены на его верхнюю палубу, а судно, стоящее на якоре, при малом или, вернее, почти незначительном ветре, раз завязав перестрелку,

должно, волей-неволей, продолжать ее до конца, несмотря на то, что от дыма почти не видно, куда палить.

Люди, не видя друг друга, менее сознавали свою опасность и работали каждый в одиночку, не видя, как падали справа и слева товарищи. У самой рубки, где было не так дымно, делал свое дело старый Адамс, а подле него стоял Вилли. Тут же рассказывал командир, делая два-три шага к правому и два-три к левому борту. Он с тревогой следил за действиями своего десанта в надежде, что пехота произведет благоприятную диверсию, в то время, когда офицер, командовавший десантом, с тою же надеждой направлять свой бинокль на суда, полагая, что флот мог бы спасти их. Между тем дело становилось серьезным.

Капитан судна смело смотрел в лицо опасности, его совета не послушали, но тем не менее он добросовестно исполнил свой долг, хотя и сознавал, что его судно и люди обречены на напрасную гибель. Но такова воля начальства. Уж старшего офицера унесли вниз, и его место заступил младший помощник: со всех сторон слышались вопли раненых и умирающих: врачи не успевали справляться со своей работой, а неприятельская крепость так и сыпала на палубу судна целый град снарядов.

Сражение все еще продолжалось, хотя огонь заметно начинал слабеть с обеих сторон. Трудно сказать, чем бы это дело кончилось, если бы вдруг в крепости одно из орудий не разорвалось, и это непредвиденное несчастье не вызвало страшной паники в рядах неприятеля. Это воодушевило атакующих, пехота двинулась вперед и успела захватить замаскированную батарею, которая столько времени непрерывно обстреливала судно командира. Но спустя несколько минут, крепость снова открыла огонь, и ядро упало прямо на верхнюю палубу судна, где и разорвалось: одним из осколков сорвало шляпу с головы Вилли и ранило насмерть старого Адамса. Тот упал, схватившись за бок, и когда санитары подоспели, чтобы унести его вниз, он просил их дать ему умереть на месте, сознавая, что всякая медицинская помощь будет бесполезна. Вилли присел на свороченный канат и поддерживал на своих коленях голову своего умирающего друга.

– Воды, воды, родной, одну каплю воды! – стонал Адамс.

Мальчик бросился за водой. Выпив несколько глотков, умирающий как будто ожил.

– Имя твоего отца, Вилли, было не Питерс, – проговорил он, собираясь с силами, – но я не знаю, какое было его настоящее имя... Есть один человек, который знает и который заботится о тебе. Он живет... в...

В этот момент другой неприятельский снаряд упал почти подле раненого. Помня ужасные последствия взрыва первого снаряда, мальчик бросился к дымящемуся ядру и, не будучи в силах поднять, осторожно стал катить его и благополучно сбросил за борт, затем снова вернулся к своему умирающему другу и склонился над ним.

– Ты хорошо сделал, мальчик, не всякий на судне догадался бы так поступить... Поцелуй меня, Вилли!.. – голос старика совершенно ослабел: тени смерти легли на его лицо: он слегка повернулся на бок и с тихим стоном испустил последний вздох.

Глава VII

Следует сказать по справедливости, что успех этого дела был весьма незначительный, хотя победоносное и доблестное английское воинство насчитывало после него много людей раненых и убитых, что в глазах английских властей является единственным несомненным доказательством, что войска действовали успешно. Они судят об успехе дела по тому, во сколько оно им обошлось, полагая, что все, что не дорого достается, не много и стоит.

Как всегда, в случаях неудачи, моряки взваливали всю вину на сухопутные войска, а те винили моряков: мало того, отдельные суда эскадры упрекали друг друга в том, что у них мало было убито людей в этом деле, что, стало быть, их судно бездействовало, причем никогда не обходилось без кровопролитных драк.

Но все это продолжалось около трех недель, после чего другое, более удачное сражение заставило всех забыть о прежнем. Только один маленький факт из происшествий того дела не был забыт. Капитан судна, на котором во время сражения находился командир, был свидетелем героического подвига Вилли. Управившись со своими делами, капитан М., так звали нового капитана, заместившего капитана А., стал расспрашивать о мальчике и узнал от младшего лейтенанта его краткую и печальную историю. Капитан потребовал к себе вторично осиротевшего Вилли, который в лице Адамса потерял своего второго отца и был теперь в глубоком горе.

Вилли явился и, стоя навывтяжку с шапкой в руке, отвечал почтительно и толково на вопросы капитана.

– Как твое имя, мальчуган? – спросил капитан, окидывая испытующим взором высокую и стройную фигуру мальчика.

– Вилли, сэр!

– Ну, а фамилия?

– Королевская собственность, сэр!

– Это не имя, не фамилия, это прозвище! – сказал капитан. – Надо дать ему какое-нибудь имя! – обратился он к младшему лейтенанту, исполнявшему теперь должность старшего офицера. – Вписан он в судовые книги?

– Нет, сэр. Прикажете занести его под именем Вильяма Джонса или Вильяма Смита?

– Ах, нет, это слишком избитые имена! Раз у него нет ни родителей, ни имени, и нам представляется право выбора в этом отношении, то возьмем для него что-нибудь более красивое: лучше всего заглянуть в какой-нибудь роман: там всегда бывает много красивых фамилий, а красивое имя иногда очень много значит в жизни!

Принесли какой-то роман, раскрыли на первой попавшейся странице и стали просматривать. Лейтенант читал: «Дэмалер!.. Фортескью!.. Сеймур»! – Ну, вот вам и прекрасное имя! Вильям Сеймур, это звучит очень хорошо... Попросите нашего секретаря, мистера Хинчен, занести его в книги: «Мистер Вилли Сеймур, мичман», а обмундировку я вам сделаю на свой счет, молодой человек, а также выдам вам из своих денег первое годичное содержание, а затем, надеюсь, призовые деньги дадут вам возможность существовать. Впрочем, как бы там ни было, пока вы будете находиться под моим покровительством, я не забуду вас! Вилли низко раскланялся и пошел вниз. Горе Вилли было так велико, что даже искренние поздравления офицеров и матросов с производством в мичманы не радовали его: со смертью своего старого покровителя он чувствовал себя таким несчастным и таким одиноким, что стал ко всему апатичен.

Между тем эскадра продолжала крейсировать вблизи берегов Франции, чтобы беспокоить неприятеля и вместе с тем воспользоваться случаем сделать более удачную попытку нападения.

На четвертые сутки после первого дела на расстоянии каких-нибудь трех миль от эскадры был замечен целый рой *chasse-marees*, т. е. мелких береговых судов, и всей эскадре было немед-

ленно отдано приказание преследовать их. Полчаса спустя английские военные суда врезались в самую средину злополучных *chasse-marees* и открыли по ним пальбу всеми орудиями одного борта, затем другого. Несчастные шлюпки одни за другими спускали паруса, прося пощады и производя впечатление беззащитного выводка цыплят, на которых обрушился с высоты громадный коршун. Они метались во все стороны, ища спасения: одни успели уйти в мелководье, другие искали спасения на берегу, третьи были потоплены, а штук до двадцати мелких судов были забраны судами эскадры.

Все это были суда контрабандистов с грузом простого дешевого вина, и только один, более крупный баркас с грузом лучшего сорта вина решено было отослать в Англию, остальное же вино было разобрано на суда и роздано экипажу. Капитан М. воспользовался отправкой приза в Англию, чтобы послать нашего молодого героя в Портсмут сделать себе полную экипировку, так как ему неловко было появляться наверху в качестве офицера без установленной формы. Ввиду этого капитан М. приказал помощнику штурмана или младшему штурману мистеру Бюллок взять с собой Вильяма, которому дал письмо к своим друзьям в Портсмут, где просил позаботиться о мальчике.

Младший штурман, которому поручено было отвезти приз – самую большую шлюпку – в Англию, был человек крайне заносчивый, как большинство выскочек: сын старшего лейтенанта судна и маркитантки, он, благодаря отцу, выбрался в офицеры, но остался безо всякого образования и был, в сущности, совершенно непригоден на судне: к тому же он усердно потреблял спиртные напитки, о чем свидетельствовал его большой, вздутый и постоянно красный нос. По отношению ко всем, кто был моложе его в чине, это был непозволительный нахал и тиран, и вся команда поголовно ненавидела его.

Очутившись полным хозяином на судне, он сразу приставил Вилли в качестве виночерпия к своей особе: имея под командой всего трех человек матросов, он не имел времени заниматься сам подогреванием и подсахариванием кларета, что и поручил Вилли.

– Ты пока еще не офицер, мальчуган, – говорил он, – помни, что я имею привычку пить каждые полчаса по стаканчику, и если я не получу его вовремя, или он не будет приготовлен мне по вкусу, то видишь ты это? – и он указал на плетку, с которой никогда не расставался.

После такого вразумления Вилли не спускал глаз с чаши с кларетом, подогревавшейся на печке в каюте, мешал и оберегал ее от качки, довольно сильной для утлого судна в этом Бискайском заливе, и неукоснительно подавал Бюллоку по стакану каждые полчаса. Так продолжалось полных трое суток, так как и ночью Вилли должен был вставать раз шесть, если не больше, и готовить кларет для мистера Бюллока. На четвертые сутки поднялась сильная буря: дул свирепый норд-вест, и море страшно разбушевалось. Утлый *chasse-marees*, не предназначенный для волн Бискайского залива и ходивший только вдоль побережья, не мог со своим тяжелым грузом взбираться на вершины седых гребней, и потому волны заливали баркас, перепрыгивая через него, и ежеминутно грозили поглотить его. На третьи сутки такой непосильной борьбы матросы зарифили паруса, когда громадный вал налетел и смыл всех трех. Мистер Бюллок был в это время у руля, а Вилли внизу, в каюте, наблюдал за кларетом. Услышав крики тонувших, Бюллок бросил руль и побежал на нос, чтобы бросить канат бившимся в волнах матросам. Двое из них ухватились за канат, а третий, выбившись из сил, пошел ко дну. Как только канат натянулся, Бюллок, к ужасу своему, увидел, что, кидая его, он сам очутился обмотанным этим канатом вокруг тела несколькими кольцами.

– Пустите! Пустите! – кричал он. – Не то вы меня стянете в море!

Но утопающие не внимали ему и, держась за канат, продолжали тянуть.

– Вилли! Вилли! Скорее нож! – кричал изо всей мочи Бюллок, чувствуя, как ему силы изменяют, и что в следующий момент он будет за бортом.

Вилли, полагая, что он требует кларет, поспешно налил стакан, всыпал в него должное количество сахара и побежал вверх со стаканом в руках. Но этих нескольких секунд было

достаточно, чтобы участь Бюллока была решена, и в тот момент, когда голова Вилли появлялась из люка, голова Бюллока исчезла под водой в волнах разъяренного моря. Вилли, держась одной рукой за ванты, а в другой продолжая держать стакан с кларетом, долго смотрел на то место, где скрылся под водой младший штурман. Но вот новый вал залил палубу судна, и если бы Вилли не успел вовремя ухватиться обеими руками за снасти, его бы непременно смыло, как остальных его спутников. Выждав удобный момент, он поспешил укрыться в каюте и здесь, опустив голову на руки, оплакивал гибель Бюллока и трех матросов и свое собственное безвыходное положение. Теперь он был совершенно один на судне, мачта которого была снесена, которое не слушалось руля и не могло бороться со свирепыми волнами Бискайского залива. Его душой овладело отчаяние, и он, вспоминая наставления старого Адамса, стал просить помощи у Бога. Затем, выпив стакан за стаканом подогретого кларета, он упал на постель и заснул.

Между тем сильный норд-вест загнал злополучное судно в Ламанш, и его стало постепенно прибывать к французскому берегу. Когда Вилли на вторые сутки после катастрофы вышел наверх, ветер почти стих. Он внимательным взором окинул весь горизонт в надежде увидеть какое-нибудь судно, и вот увидел вдали небольшое судно, шедшее прямо на него. Не долго думая, он сбежал вниз, в каюту, достал из чемодана крахмальную рубашку Бюллока и, надев ее на багор, выкинул сигнал, моля о спасении. Сигнал был замечен, и вскоре судно подошло к нему, спустив небольшую шлюпку, в которой сидело три человека. Когда шлюпка подошла к самой корме, старший крикнул Вилли:

– Ну, делать нечего, приятель, придется тебе скакать в море! Не робей, мы тебя выудим!

Не долго думая, Вилли прыгнул в волны: он вообще был не робкого десятка, хотя и не умел плавать.

Матросы ловко выловили его и мокрого до нитки втащили в свою шлюпку. Несколько сильных ударов весел подогнали лодку к судну, и спустя минут десять, весь прозябший и продрогший Вилли стоял перед капитаном, человеком лет 25 чрезвычайно красивой и привлекательной наружности.

– Эй, Филиппс! – крикнул он одному из своих людей. – Возьми этого паренька и одень его в сухое платье, да дай ему добрый стакан водки, а когда он очнется и согреется, мы у него узнаем, какими судьбами он очутился один на плавучем баркасе, точно медведь на льдине.

Вилли пошел за Филиппом, и тот озаботился обсушить и обогреть беднягу.

– Ну, что же, голубчик, теперь скажи мне свое имя, – обратился к нему капитан, – кто ты такой и как очутился на этом баркасе? Но только говори правду и будь честен. Честность – лучшая политика в жизни.

Однако при полном желании быть правдивым и честным, Вилли мог дать лишь весьма странные и неудовлетворительные ответы на два первых вопроса капитана.

Он рассказал в нескольких словах свою повесть и добавил, что зовут его, кажется, Вильям Сеймур, и что он, кажется, мичман.

– Ну, что касается меня, то я должен сказать, что не верю ни одному слову из придуманной вами басни и весьма сожалею, что вы не последовали моему совету быть честным и правдивым. Но мы через час прибудем в Шербург и тогда, надеюсь, лучше поймем друг друга!

Действительно, час спустя, исполнив все формальности «*Sainte Vierge*», как звали судно, спасшее Вилли, бросило якорь у самого мола.

Едва только судно стало на якорь, как капитан спустился вниз и вышел полчаса спустя, одетый щеголем, чтобы ехать на берег, куда он брал с собой и Вилли, несмотря на его забавный костюм, в котором он походил на белого медведя.

Высадившись на берег, капитан направился в ближайший трактир, где его встретили, как давнишнего завсегдатая, и на столе перед ним тотчас же появилась лучшая французская водка и ликеры.

– Скажите-ка m-eur Вожу, чтобы он явился сюда с платьем вот для него! – сказал капитан, указывая на Вилли, скромно притаившегося в уголку дивана. – Капитан Дебризо здесь?

– Да, сударь, но он потерял весь свой груз, принужденный побросать его в море!

– Не беда: он два предыдущие раза доставил его благополучно. Во всяком случае, скажите ему, что я прошу его сделать мне честь распить со мной бутылочку вина!

Хозяин кабачка тотчас же отправился исполнять поручение капитана, и минуту спустя капитан Дебризо входил в комнату.

– Здравствуйте, мой дорогой М'Эльвина, я рад, что вижу, что вы были счастливее меня. Я потерял весь свой груз. *Sacre nom de Dieu!* В нашем деле главное проворство, а мое судно неповоротливо, как черепаха!

– Да, – сказал М'Эльвина, – скоро мой люгер будет готов, и тогда я посмотрю, что мне может сделать казенный катер!.. Я видел его на Рождестве, просто загляденье! Для нашего дела это просто золото!

Дебризо лучше всякого другого знал, что значило для контрабандиста доброе судно, так как и сам, равно как и капитан М'Эльвина, командовали судами, занимавшимися провозом контрабанды между Шербургом и ближайшим английским портом, каким являлся Портланд, вблизи модного морского купанья Веймуса. Но они вели контрабанду не на свой страх, а находились на службе у товарищества, имевшего до ста паев и содержавшего немало таких судов не только между Шербургом и Портландом, а и между Гавром и Остенде и северным побережьем Англии или Ирландией. М'Эльвина крейсировал между Остенде и Ирландией, но пока строился его люгер, принял временно командование одним из мелких судов, ходивших между Шербургом и Портландом, а Дебризо, всю жизнь плававший в этих водах, и не желал никогда покидать их.

– Но что у вас там, Мак, – спросил он, – мальчик или медведь?

– Мальчуган, которого я выудил с потерпевшего крушение судна, и теперь думаю о том, что мне с ним делать. Это красивый, смелый мальчик!

– Уступите его мне, я сделаю из него юнгу до тех пор, пока он не станет постарше!

– Я полагаю, что он будет пригоден для всякого дела, если только будет честным человеком: честность – это лучшая политика в жизни!

По этому поводу капитан Мак-Эльвина рассказал приятелю историю своей жизни, которая могла служить своеобразным подтверждением его излюбленного изречения: «честность – это лучшая политика!».

Происходя по прямой линии от целого ряда поколений профессиональных воров, капитан М'Эльвина в детстве был отменным карманным воришкой. Но попав однажды в руки квакера, председателя филантропического общества, он был помещен последним в филантропический институт, где в течение трех лет непрестанно обучался понимать разницу между *meum* или *tuum* (моим и твоим), после чего, будучи признан совершенно исправившимся, был взят тем же квакером в дом в качестве доверенного слуги. Поначалу все шло благополучно, и квакер немало гордился блестящими результатами своего воспитания. Он умышленно вручал ему свой денежный ящик и ключи от него. Но в одно прекрасное утро искушение оказалось слишком велико, и знаменитый денежный ящик квакера, а вместе с ним и его доверенный слуга, исчезли. После этого будущий капитан прошел не мало мытарств, то в качестве слуги, то в качестве маркера и, наконец, чтобы избежать тюремного заключения за воровство, нанялся матросом на судно, отправлявшееся в Сидней. Морская служба пришлась ему по душе: семь лет он беспрерывно плавал на разных судах, побывал в Индии, в Батавии, в Калькутте, в Бомбее и в водах Персидского залива и, изучив в совершенстве морское дело и навигацию, поступил старшим помощником на судно, отправлявшееся в Китай, а оттуда в Англию. Все сбережения свои он проиграл в карты и потому вернулся на родину гол, как сокол. Родители его уже

умерли к этому времени, и он раздумывал о том, какого рода карьеру избрать, когда случай решил этот вопрос.

Молодой скиталец нашел, не вытащил из кармана, а действительно нашел бумажник и записную книжку, на переднем листе которой значились имя и фамилия владельца и его адрес. В бумажнике находилась небольшая сумма денег, различные счета и квитанции, и молодой человек вдруг почувствовал непреодолимое желание поступить честно на этот раз. Он отнес бумажник с записной книжкой по означенному адресу, и пожилой господин приятной наружности, каким оказался владелец книжки, вполне оценил честный поступок молодого человека. Так как он собирался поместить объявление, что предлагает вознаграждение тому, кто возвратит ему его бумажник с записной книжкой, то это весьма крупное вознаграждение и вручил нашедшему: кроме того, чтобы поощрить его в добродетелях, он обещал ему свое покровительство в будущем. Никогда во всей своей жизни будущий капитан М'Эльвина до того времени не зарабатывал при всех своих ухищрениях и всей своей ловкости такой крупной суммы, как 100 фунтов, полученные им в награду за честность с приговором: «видите ли, молодой человек, честность – это лучшая политика!» Слова эти врезались в память и в душу молодого человека, который с этого момента решил стать честным человеком и стал им в действительности, убедившись, что это несравненно выгоднее, спокойнее и приличнее.

Глава VIII

– Ну, а скажите мне теперь по правде, долго ли длился этот припадок честности?

– Как? Долго ли длился? Да он продолжается и теперь и, надеюсь, продлится до конца моей жизни! – воскликнул М'Эльвина на вопрос Дебризо. – Но позвольте мне закончить мой рассказ!

– Сделайте одолжение, дорогой М'Эльвина! Ваш рассказ так занимателен, так оригинален, что я рад слушать вас до завтра!

– Так вот, я на другой день зашел к своему новому знакомому и вновь услышал от него наставительное слово о том, что честность – лучшая политика в жизни: затем мой новый знакомец осведомился, какой род занятий был до сего времени моим, на что я, умолчав о моем наследственном роде занятий, сказал ему, что я – моряк, но в данный момент нахожусь без дела.

– В таком случае, – сказал мой покровитель, – я могу найти для вас подходящее занятие: один из моих приятелей говорил мне, что ему нужен лихой и смелый капитан на его судно, и если вы желаете, я могу предоставить вам это место!

– Понятно, что я обеими руками ухватился за это предложение и вот таким образом стал командиром судна. Теперь я уже три года как состою капитаном то на том, то на другом из судов моего покровителя, который, как оказалось, сам нуждался в бравом капитане для своего люгера, возившего, как и все остальные его суда, контрабанду между Гавром и английским побережьем. За все это время я честно работал на него: он же всегда был щедр и великодушен ко мне, а дочь его – прелестнейшее существо, какое я когда-либо встречал!

– Все это прекрасно, М'Эльвина, но скажите, каким образом вы, который постоянно трактуете о честности, миритесь с профессией контрабандиста?

– Очень просто, я твердо убежден, что в ней, в сущности, нет ничего бесчестного! Это дело запрещенное и рискованное, да, но не бесчестное: мы покупаем товар за деньги и продаем за деньги без обмана. Всякий, кто покупает его, знает, что это контрабанда, и тем не менее все покупают с большой охотой. Мы возим контрабанду потому, что это дает нам средства к существованию, а богачи и аристократы, те самые, что пишут и утверждают законы, те пользуются ею для удовлетворения своей прихоти, своей любви к роскоши и к безделушкам. Итак, если они сами, создавшие и утвердившие закон, нарушают его, то почему же нам уважать его больше, чем они? Не будь спроса на контрабандный товар, не было бы и контрабанды:

– Да, конечно!

– И вот, пока я не услышу, что этих разряженных в контрабандные предметы знатных аристократок хватают и сажают, как нас грешных, на 12 месяцев в тюрьму, до тех пор не стану считать, что нарушение такого несправедливого закона есть преступление и дело нечестное!

– Вы, пожалуй, правы, М'Эльвина! Действительно, эти господа судьи должны были бы засаживать в тюрьму вместе с бедняками контрабандистами и своих жен и дочерей: тогда мы могли бы верить в справедливость закона и уважать его!

– Messieurs! – послышался за дверью голос содержателя гостиницы, – г. Вожу, портной, пришел! Прикажете провести его сюда?

– Да, да... я жду его.

Вошел портной с громадным узлом готового платья.

– Здравствуйте, г. Вожу! Оденьте мне этого юношу как следует, дайте ему две смены платья и небольшой запас белья и других необходимых мелочей! – проговорил М'Эльвина и принялся расталкивать крепко спавшего в углу дивана Вилли.

– Ну, мистер Вильям Сеймур, кажется... Мичман, кажется... – передразнил М'Эльвина своего юного протеже, который вскочил на ноги, едва сознавая, что с ним.

Час спустя Вилли был одет франтом, и подле него лежал новенький чемодан с полной экипировкой.

– Ну, вот теперь у вас будет одним вымыслом меньше на совести, – сказал М'Эльвина, когда портной удалился. – Ведь, вы говорили, что отправляетесь в Лондон делать себе экипировку: теперь она сделана, хотя не в Лондоне, но это, пожалуй, все равно!

Потеряв одного покровителя в лице капитана М., Вилли нашел другого в капитане М'Эльвина, а для него, в его юном возрасте, было совершенно безразлично – быть офицером на английском военном судне или на контрабандистском шлюпе.

Как все люди, долго жившие ложью и обманом, М'Эльвина подозревал всех в обмане и лжи и потому в странном рассказе Вилли долгое время видел пустой вымысел и только с течением времени убедился в том, что мальчик говорил правду. Вместо того, чтобы сделать его своим слугой, он сделал его своим товарищем и удивительно привязался к нему. Вилли же, подобно большинству юных и впечатлительных сердец, был глубоко признателен каждому, в ком он встречал к себе любовь и ласку, и тоже не оставался в долгу у М'Эльвина.

Прожив более месяца в Шербурге, М'Эльвина стал снова грузиться, чтобы с новым транспортом идти в Англию.

– Вилли, – заметил он однажды вечером, когда они сидели вместе за стаканом вина, – я, вероятно, завтра уйду со своим судном в Англию. Что мне сделать с тобой? Мне бы не хотелось расставаться с тобой, но я полагаю, что для тебя будет лучше, если я оставлю тебя здесь: ты не можешь быть нам полезен, а только стеснишь нас, если нам придется прибегнуть к шлюпкам!

Но Вилли сильно протестовал против этого:

– Боже мой! Почему это у меня никогда не было друга, с которым мне не приходилось бы тотчас же расстаться?! – и слезы навернулись у него на глаза при воспоминании о своих бывший утратах.

– Надеюсь, что мы расстанемся с тобой ненадолго, дорогой мой, – возразил М'Эльвина, тронутый привязанностью юноши. – Я тебе сейчас разьясню, почему решил оставить тебя здесь: если я этот раз благополучно доставлю на место свой груз, то не вернусь сюда обратно, а проеду в Лондон, где у меня есть дела. Кроме того, мне придется в течение пяти-шести месяцев быть все время в разъездах, так как ты знаешь, что в Гавре у меня строится судно, и мне необходимо лично наблюдать за его снаряжением. Вот почему, вместо того, чтобы таскать тебя за собой с места на место, я на это время хочу поместить тебя пансионером в одно из здешних учебных заведений и дать тебе возможность научиться чему-нибудь, а главное – освоиться с французским языком, что, со временем, может тебе быть весьма полезно!

Привыкший беспрекословно покоряться всякому распоряжению или приказанию, Вилли примирился и с этим решением своего покровителя, признавая его разумность.

– Сам я получил свое образование за счет чужих людей и потому считаю своим долгом сделать для тебя то, что другие сделали для меня, – сказал М'Эльвина, – а пока не унывай, пойдем прогуляться на Place d'Armes!

Здесь они встретились с Дебризо и заняли одну из скамеечек. Мужчины закурили сигары, а Вилли стал разглядывать проходящую публику.

Вдруг тщательно стриженный белый пудель подошел к ним и с особым любопытством стал смотреть в лицо М'Эльвина. Последний, вынув сигару изо рта, поднес ее довольно близко к носу собаки. Та, желая понюхать, приблизилась настолько, что ее холодный нос коснулся горячего пепла сигары, причинившего ей легкий ожог. Пудель вскрикнул и бегом, поджав хвост, вернулся к своему хозяину, где улегся на землю и стал проводить лапами по обожженному месту так забавно, что вся публика, бывшая свидетельницей этой сцены, не могла удержаться от смеха.

– Это тебе за твое любопытство! – заметил М'Эльвина. – Наука вперед не совать носа к огню!

Но владелец собаки, молодой франтоватый французик, по-видимому, не особенно остался доволен этой шуткой. Сердито сдвинув шляпу на сторону, он приблизился к нашим друзьям и вызывающим тоном обратился к капитану М'Эльвина:

– Что значит, милостивый государь, ваша глупая выходка? Вы позволили себе оскорбить меня в лице моей собаки!.. И я...

– Простите, сэр, что вы изволили сказать? – отозвался М'Эльвина, делая вид, что не понимает французского языка.

– Аа... вы – англичанин, вы не говорите по-французски! – на ломаном английском языке, чуть не с пеной у рта, продолжал горячиться владелец собаки. – Но я говорю по-английски, как природный англичанин, и я говорю вам, сэр, *que vous m'avez insulte*, понимаете? Вы сожгли нос моей собаке вашей сигарой!

– Ваша собака обожгла себе нос о мою сигару! – поправил его М'Эльвина.

– Что вы хотите этим сказать? Собака не может обжечь себе носа, это вы приставили вашу сигару к ее носу, и потому я требую удовлетворения или немедленно извинения!

– Но я не оскорблял вас, сэр! – возразил М'Эльвина.

– Вы оскорбили мою собаку, это одно и то же! Оскорбление, нанесенное моей собаке, все равно, что оскорбление, нанесенное мне! *Vous n'avez qu'a choisir, monsieur!*¹.

– Выбирать между вами и вашей собакой? – переспросил М'Эльвина, с трудом скрывая усмешку. – В таком случае я предпочитаю драться с вашей собакой.

– Баа!.. Драться с собакой! Собака не может драться, но я – ее господин и ее друг, и я готов драться за нее!

– Прекрасно, сэр, я оскорбил вашу собаку и готов перед ней извиниться, как вы того желаете, но вас я не оскорблял!

– Да... но какое же удовлетворение вы можете дать моей собаке?

– Но вы сейчас изволили сказать, что вы и собака одно и то же, а если так, то она, вероятно, поймет и примет мои извинения, как бы приняли их вы, если бы я вздумал извиняться перед вами!

– Ах, сэр, вы это прекрасно сказали! – воскликнул француз, сразу смягчившись. – Так вы готовы извиниться перед моей собакой? Конечно, она в данном случае главное потерпевшее лицо, я могу только быть в роли секунданта. В таком случае, это дело должно считаться улаженным. Мусташ!². Поди сюда!

Собака послушно подошла к своему хозяину.

– Мусташ, этот господин крайне сожалеет, что обжег тебе нос!

– Да, *monsieur* Мусташ, – сказал М'Эльвина, с шутливой серьезностью снимая шляпу перед собакой, – я прошу извинить мою шутку!

– Ах, как это забавно! – раздалось с разных концов женские голоса. – *Comme e'est charmant! Que monsieur l'Anglais est drole!*³. Смотрите, как Мусташ доволен!

– Мусташ, подойдите сюда и дайте лапу этому господину! – продолжал хозяин пуделя.

Собака послушно исполнила то, чего от нее требовали, хотя все время боязливо косилась на сигару.

– Видите, как она незлобива, она вас прощает! – восхищался француз.

– Действительно, я теперь вижу, что это умная и добрая собака! – подтвердил М'Эльвина, после чего хозяин Мусташа уже совершенно растаял: он тут же представился нашим друзьям, назвав себя *Auguste Poivre*⁴, и сообщил свой адрес, причем добавил, что *madame mere*⁵ будет

---

¹ Вам остается только выбирать

² «Ус»

³ Как это мило! Какой этот англичанин смешной!

⁴ Огюст Пуавр

восхищена видеть у себя такого милого и остроумного господина, как monsieur, qui voila!⁶. Затем monsieur Огюст Пуавр откланялся и удалился в сопровождении своей собаки.

– Право, я считаю его собаку несравненно умнее его самого, – сказал М'Эльвина, глядя вслед удалявшемуся французу. – Однако начинает темнеть, пора и домой!

Так прошел последний вечер перед разлукой Вилли с его новым другом и покровителем капитаном М'Эльвина.

На следующее утро, так как дул сильный попутный ветер, Вилли и Дебризо проводили М'Эльвина на мол, где тот взошел на палубу своего шлюпа, который тотчас же снялся с якоря и час спустя скрылся уже из виду.

---

⁵ его мать

⁶ как этот г-н, которого я вижу перед собой

Глава IX

В тот же вечер Дебризо отвел Вилли в тот пансион, куда позаботился поместить его на время своего отсутствия М'Эльвина, и где он пробыл целых шесть месяцев, изредка посещаемый тем же Дебризо и получая время от времени милые письма от М'Эльвина, который, благополучно доставив свой груз в Англию, теперь находился в Гавре, где наблюдал за снаряжением своего судна. Вилли занимался очень успешно.

За эти шесть месяцев он научился бегло и свободно говорить по-французски, читать, писать и считать, приобрел некоторые познания по истории и географии, словом, не даром потратил свое время.

Когда судно, предназначенное владельцем для капитана М'Эльвина, было готово, капитан заехал за Вилли в Шербург и, простившись с Дебризо, окончательно отбыл вместе со своим любимцем в Гавр.

Едва прибыв на место, М'Эльвина потащил Вилли на мол, вблизи которого стояла на якоре «La Belle Susanne»⁷.

– Ну, Вилли, как тебе нравится моя «Прекрасная Сусанна»? – спросил М'Эльвина.

Вилли был вне себя от восхищения и, узнав от своего покровителя, что тот думает на следующее уже утро сняться с якоря, был этому крайне рад: его давно уже тянуло в море: жизнь на берегу ему казалась скучной и однообразной.

– Где ты помещался, Вилли, у себя на судне? – спросил М'Эльвина.

– Да нигде, собственно говоря, – отвечал юноша, – я не был занесен в судовые книги: и только дня за два до того, как покинул его, я был записан мичманом!

– Ну, так будь ты и у меня мичманом! – решил М'Эльвина.

На следующий день «La Belle Susanne» ушла в море при громких криках «виват» и наилучших пожеланиях строителей и собравшейся на пристани толпы зрителей.

Люгер при свежем ветре разрезал волны и летел, как птица.

– Ну, уж и ходкое же судно, – проговорил Филиппс, следовавший за своим капитаном, – теперь нас и клипер не скоро нагонит! Ночь, как видно, нынче хорошая, и утро, надо ожидать, будет ясное!

– Да, – сказал М'Эльвина. – Но распорядитесь, чтобы все вышли наверх!

Когда весь экипаж оказался в полном сборе, капитан М'Эльвина в кратких словах объяснил собравшимся, как для успеха их дела необходима дружная энергия, смелость и решительность в любой момент, и как им следует всегда быть наготове встретить опасность лицом к лицу, так как дело их рискованное, и отвага тут безусловно необходима.

---

⁷ «Прекрасная Сусанна»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.